
ЛУЧШЕ-БЪ Я БЫЛА СИРОТОЙ!

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Графа Фридриха Скарбека.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

Старостина. **

Густавъ, сынъ ея.

Целина, ея воспитанница.

Матильда, подруга Целины.

Альфредъ.

Сосѣдка Старостины.

Эмилия, дочь ея.

Петрова. ***

Филиппъ, сынъ Петровой.

Инспекторъ полиціи.

Валентинъ, слуга Густава.

Янъ, незнакомый лакей.

Служанка Целины.

Столяръ.

Солдаты.

* Польская литература и въ-особенности драматическая, весьма мало знакома у насъ, а потому съ величайшимъ удовольствіемъ и съ благодарностію почтенному переводчику поимѣаемъ мы въ нашемъ изданіи драму Графа Скарбека. *Ред.*

** Старостина, жена Старосты. — *Староста* титулъ, который въ-старину давали польскіе короли, въ награду за услуги, вмѣстѣ съ землею, или староствомъ. *Перев.*

*** Петрова — жена Петра. У Поляковъ, жонъ, особенно въ простонародьѣ, часто зовутъ по имени мужа. Такъ на-примѣръ: Юзефова, — Александрова — значать жена Юзефа, жена Александра. *Перев.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ доиѣ Старостины. Театръ представляетъ гостиную. Передъ поднятіемъ завѣса слышенъ дуэтъ съ аккомпанементомъ на арфѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Целина, Густавъ, Альфредъ, Эмилія, мать Эмилія, Старостина.

Целина сидитъ, держа арфу, которой акорды только-то были слышны; передъ нею нотитръ съ нотами. Подмъ нел, съ нотами въ руки, стоитъ Густавъ и смотритъ на нее съ восхищеніемъ. Альфредъ стоитъ за стульями Эмиліи и ея матери. Старостина съ безпокойствомъ смотритъ на сына.

мать эмиліи. Прелестно! Давно не слыхала я такого голоса. (Къ Старостинъ). Милая дзвущка! Сколько красоты и таланта въ ней!

АЛЬФРЕДЪ (тихо Эмиліи). Взгляните на Густава: съ какнмъ восхищеніемъ смотритъ онъ на Целину!

эмилія. Это нисколько не удивляетъ меня. (Подходитъ къ Целинъ и беретъ ее за руку). Какой у тебя прелестный голосъ! Какое чувство въ пѣніи!...

целина (встаетъ, Густавъ принимаетъ отъ нел арфу). Я не заслужила вашихъ похвалъ. Отнесите ихъ не ко мнѣ, а къ сочинителю этой музыки.

АЛЬФРЕДЪ (привѣтливо Целинъ). Скромность всегда подруга таланта.

(Целина отвѣчаетъ ему улыбкой).

мать эмиліи. И у Густава прелестный голосъ; кажется, нельзя лучше его вторить такой искусной пѣвицѣ.

АЛЬФРЕДЪ (Целинъ). Осѣба, которой онъ вторилъ, вѣрно, умѣла одушевить его. Мы не замѣтили, чтобы выполненіе этой арні было для него труднымъ.

ГУСТАВЪ (разспянно.) О, безъ-сомнѣвія!

мать эмиліи (вставая, Старостинъ). Время всегда такъ пріятно и такъ незамѣтно проходитъ для насъ въ нашемъ семействѣ. Мы позабыли о томъ, что солнце скоро зайдетъ, и что намъ предстоитъ цѣлая мшя дурной дороги.

старостина. Не спѣшите. Теперь смеркается очень-поздно. (*Смотритъ на Густава и зоветъ его*). Густавъ!

мать эмили. Не забудьте, милая хозяйка, что намъ надобно вѣхать большимъ лѣсомъ, а ночью меня пугаетъ каждая бездѣлица.

старостина. Подождите еще хоть минутку. Я хотѣла показать вамъ новое растеніе въ моей оранжереѣ. (*Тихо, взявъ за руку Густава, который подошелъ къ ней*). Густавъ, что съ тобою? Ты такъ мѣшаешься, такъ разсыпѣнъ; ты сегодня какъ не свой....

густавъ. Не безпокойтесь, — ничего, матушка.

мать эмили. Пойдемте въ оранжерею; тамъ всегда столько новаго!

старостина. Вы, вѣрно, позвольте Целинѣ остаться въ комнатѣ; она утомлена пѣніемъ, устала и можетъ простудиться на открытомъ воздухѣ.

мать эмили. Оставьте, оставьте, милая Целина. Берегите свое здоровье; оно для всѣхъ насъ равно дорого.

эмили. Простимся съ Целиной, маменька; — надобно торопиться вѣхать. (*Прощается съ Целиной*). А мы ужъ не зайдемъ сюда въ садъ.

мать эмили (*прощалась съ Целиной*). Надѣмся, что вы и въ другой разъ не лишите насъ подобнаго удовольствіа, милая Целина.

(*Всѣ уходятъ; Густавъ оглядывается на Целину.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Целина, одна.

целина (*садится на прежнее мѣсто*). Отдыхаю... Боже мой! Какое мученіе видѣть, что всѣ на меня смотрятъ, и опасаться, чтобъ они не отгадали чувствъ моихъ. по каждому движенію, по каждой переменѣ въ лицѣ. (*Смотря на ноты, лежащія на пюпитрѣ.*) Да, я слишкомъ-много надѣялась на свои силы, когда отважилась пѣть этотъ дуэтъ... съ нимъ... Всѣ должны были замѣтить мое смущеніе; мать его не спускала глазъ съ насъ обоихъ. А онъ, легкомысленный, съ такимъ чувствомъ пѣлъ о любви, какъ будто хотѣлъ присвоить себѣ слова пѣсни! О, какъ дрожалъ мой голосъ, когда надобно было отвѣчать ему! (*Замыливъ Густава.*) Ахъ!...

ЯВЛЕНИЕ III.

Целина, Густавъ.

густавъ. Не бойтесь, Целина; это я, котораго вы счастливице именемъ друга.

целина (*въ смущеніи*). Густавъ, зачѣмъ вы оставили гостей?... Что они могутъ подумать о вашемъ отсутствіи?

густавъ (*приближаясь къ ней*). Целина, не удаляй меня отъ себя.... Ужели ты можешь дивиться, если я равнодушно оставляю для тебя другихъ? Целина! Наступила для меня рѣшительная минута въ жизни.... О, позволь....

целина (*смущенная, встаетъ и хочетъ идти*). Зачѣмъ этотъ жаръ.... этотъ восторгъ?... Густавъ, прошу васъ, позвольте мнѣ удалиться отсюда.... Оставьте меня....

густавъ (*удерживая ее*). О, нѣтъ, Целина!... Подари мнѣ еще минуту, одну минуту только. Могу-ли я молчать и терпѣть, когда сердце мое переполнено грустью и надеждой счастья?..

целина. Эмилія ждетъ васъ тамъ, Густавъ! Умоляю васъ.... оставьте меня. Матушка съ безпокойствомъ оглядывалась за вами, когда вы выходили вмѣстѣ. Она хочетъ видѣть васъ подлѣ себя; она опасается, быть-можетъ, теперь, при одной мысли, что вы здѣсь.... (*съ чувствомъ*). Густавъ! умоляю тебя именемъ твоей матери,—оставь меня,—воротись къ гостямъ!..

густавъ. Ты!... О, Целина! Какъ усладительно для меня это слово! (*Цѣлуя руку ея*). Въ первый разъ говоришь ты со мною такъ откровенно.... Скажи: голосъ сердца твоего превозмогъ голосъ разсудка?... Признайся, что то былъ голосъ сердца?..

целина (*въ сильномъ смущеніи*). О, нѣтъ; я ошиблась.... забылась. Густавъ, идите къ гостямъ: можетъ-быть, они отъѣзжаютъ;—проститесь съ ними....

густавъ. Нѣтъ,—ты не ошиблась, Целина!... Ты увлеклась движеніемъ чистой души твоей, способной плѣнить и осчастливить каждаго, кто въ состояніи понять ее. Я долго молчалъ, потому-что не смѣлъ высказать тебѣ чувствъ моихъ; но сегодня, но въ эту минуту, когда ангельскій голосъ твой самъ вызвалъ ихъ изъ глубины души моей, — хоть-бы цѣлый свѣтъ смотрѣлъ на меня — я сказалъ-бы передъ цѣлымъ свѣтомъ, что любовь твоя составляетъ для меня все счастье жизни, всю прелесть ея.

целина (*послѣ минутнаго размышленія, успокаивается и говоритъ хладнокровно*). Густавъ, вижу, что вы не имѣете ни жалости

ко мнѣ, ни слѣды падъ самптъ собою. Мнѣ-ли прѣстало голосомъ холоднаго разсудка утишать шлѣмъ вашъ? И стѣило-ли напрасно раздувать во мнѣ потухшія чувства, для того, чтобы усыпить ими мою совѣсть?...

густавъ (*съ жаромъ*). Ты раздѣляешь любовь мою, — ты сама призвалась мнѣ въ этомъ.... О, Целина! Ты не возьмешь назадъ своего слова, — ты не изгладить того впечатлѣнія, какое оно произвело на меня?... Не такъ-ли? Не правда-ли?

целина (*печально*). Густавъ! Это впечатлѣніе скоро исчезнетъ; одно слово можетъ разрушить всѣ грезы счастья, которыя васъ такъ занимаютъ. Мнѣ стѣитъ только напомнить вамъ о томъ, о чемъ я не могу вспомнить безъ огорченія.... о томъ, что я сирота, что глубокая тайна покрываетъ мое происхожденіе....

густавъ. Целина! О, не думай, чтобы это могло разрушить образъ того счастья, которое теперь лелеетъ меня.... Не суди такъ. Неужель въ глазахъ моихъ ты-бы могла имѣть меньше цѣвы отъ того только, что не слѣпой случай, а сама ты причиною всего того, что такъ выявляетъ меня въ тебѣ?...

целина. Свѣтъ судить иначе, Густавъ; никогда еще и никому не простилъ онъ пренебреженія къ себѣ, особенно людямъ, которые занимаютъ въ немъ такое мѣсто, какъ ты.

густавъ. Не столько не умолимъ эготъ свѣтъ, чтобы его не могла обезоружить Целина! И для этого свѣта, для него — мнѣ отречься отъ того счастья, котораго ожиданіе наполняло всю мою юность!... Нѣтъ! никогда въ жизни!

целина. Мечты юности создаютъ себѣ такой идеалъ совершенства, съ которымъ сравняться не въ состояніи ни одна женщина. Несчастлива жена, которой недостатки и слабости безобразятъ некогда обожаемый идеалъ!

густавъ (*взлѣвъ ее за руку*). Целина! Могу-ли ошибаться въ тебѣ?... Молодость твоя пролетѣла вмѣстѣ съ моею, и я привыкъ любить тебя, какъ сестру; позже, когда узналъ, что родственныя связи не соединяютъ насъ, я посвятивъ тебѣ любовь мою, тебѣ одной, тебѣ первой. Это чистое, непорочное чувство спасло мои бурливые годы юности отъ разрушающаго наплыва счастья. Твой образъ неизгладимо врезался въ мое сердце; онъ, какъ ангелъ-хранитель, берегъ меня въ опасныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ-продолженіе четырехъ лѣтъ, проведенныхъ за границею, я хранилъ, какъ сокровище, одну надежду обладать тобою по возвращеніи — и теперь — теперь уже никакая сила не въ состояніи вырвать тебя изъ рукъ моихъ!

целина (*опустивъ голову на плечо его*). Густавъ! Густавъ! Ты

погубилъ несчастную спроту, которая любить тебя болѣе жизни, но которая никогда не будутъ твоею... мнѣнїе свѣта вырветъ ее скоро изъ рукъ твоихъ. (*Послѣ минуты молчанїя отделяется отъ него*). Безумная! Что я дѣлаю?... Густавъ! Иду къ твоей матери, къ той, которая осѣпала меня благодаренїями и которой я взиплю теперь... признюсь ей въ вину моей... изъ устъ ся буду ожидать приговора для насъ обоихъ!

(*Уходитъ. Густавъ печально смотритъ въ-слѣдъ за нею и потомъ въ задумчивости бросается въ кресло.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Густавъ, Альфредъ.

Альфредъ. Ваша матушка беспокоится объ васъ, Густавъ; спрашивала, куда вы вышли, и полагаетъ, что вы нездоровы.... вы такъ поспѣшно оставили дамъ.

Густавъ (*мрачно*). Да... мнѣ дурно....

Альфредъ. Я, можетъ-быть, отгадываю причину вашей болѣзни.... (*Густавъ сурово смотритъ на него, но тотъ, послѣ минутнаго молчанїя, продолжаетъ насмѣшливо*). Мнѣ кажется, что небезопасно оставаться долго наединѣ съ такою прелестною и съ такою занимательною особою, какова Целлива....

Густавъ (*расходливо*). Вамъ такъ кажется?

Альфредъ. Не стоить сомнѣваться въ томъ, что доказано, тѣмъ-болѣе мнѣ, который въ продолженіе двухъ лѣтъ захожъ въ домъ Старостины, и который, съ ея позволенїя, старается списать для себя расположеніе ея воспитавницы.

Густавъ (*старался скрыть неудовольствїе*). И старается напрасно....

Альфредъ. Правда, что до-сихъ-поръ старанїя мои были напрасны, но со-всѣмъ-тѣмъ я еще не теряю надежды, со-временемъ, найти дорогу къ сердцу той, которая теперь отвергаетъ меня....

Густавъ (*холодно*). На чомъ-же вы основываете вашу надежду?..

Альфредъ. На томъ, что не имѣю другихъ препятствїй, кромѣ собственнаго ея нежеланїя; впрочемъ, я увѣренъ, что это нежеланїе обратится въ привязанность, если Целлива замѣтитъ мое постоянство, мои намѣренїя, мое желанїе сдѣлать ее счастливою. Что нужно, если привязанность эта откроется и послѣ свадьбы?

Густавъ. Послѣ свадьбы?... Такъ вы увѣрены, что рука Целивы будетъ принадлежать вамъ?

АЛЬФРЕДЪ. И кто-бы могъ оспоривать ее у меня, когда сама ваша матушка, ея благодѣтельница, которая заступаетъ сиротъ мѣсто матери, позволила мнѣ стараться о томъ?

ГУСТАВЪ (*въ сильномъ волненіи встаетъ съ мѣста*). А если-бы нашолся кто-нибудь, кто-бы не захотѣлъ допустить васъ до обладавія такимъ сокровищемъ?

АЛЬФРЕДЪ (*равнодушно*). Понимаю, что вы хотите сказать этимъ. Это значитъ, что вы сами, возвратившись только-что изъ-за границы въ деревню, въ глушь, и не видя никого, кто-бы могъ равняться Целинѣ, вы сами, говорю, такъ много ею заняты, что рѣшились-бы противопоставить препятствія моимъ намѣреніямъ?

ГУСТАВЪ. Такъ точно; не запираюсь въ словахъ моихъ,—не только теперь, но и всегда.

АЛЬФРЕДЪ (*спокойно*). Это меня нисколько не беспокоитъ, тѣмъ болѣе, что я увѣренъ въ томъ, что вашъ пылъ, ваша горячность.... должны охладиться рано или поздно....

ГУСТАВЪ. Должны?... Почему-же должны?...

АЛЬФРЕДЪ. Потому-что о рукѣ Целины вы и думать не можете.

ГУСТАВЪ. А кто можетъ мнѣ запретить это?

АЛЬФРЕДЪ (*спокойно*). Для меня, человека обыкновеннаго, который никогда не имѣлъ въ свѣтъ никакого значенія,—человѣка безъ состоянія, живущаго доходами съ одной маленькой деревеньки, для меня, говорю, Целипа составитъ весьма-приличную партію. тѣмъ-болѣе, что я умѣю цѣнить и уважать ее. Но вы, съ вашимъ именемъ и состояніемъ, вы, который обязанъ уважать законы и права того общества, къ которому принадлежите, вы не можете и думать о рукѣ дѣвицы безъ достаточнаго состоянія, безъ родныхъ, даже безъ имени.

ГУСТАВЪ. И вы такъ пезко обо мнѣ судите?

АЛЬФРЕДЪ (*съ жаромъ*). Напротивъ; увѣренный въ вашемъ благородномъ образѣ мыслей, я спокоемъ о будущей судьбѣ Целины, я знаю, что черезъ васъ не потеряю ее. Любовь ваша къ ней, конечно, отдалитъ минуту исполненія моихъ желаній; но я буду терпѣть; — я долженъ рѣшиться на это для сына благодѣтельницы Целины. Я увѣренъ вполне, что вы не имѣете намѣренія жениться на ней, а тѣмъ-менѣе обольстить ее, и что вы не захотите загородить дорогу къ счастью тому человеку, который вамъ не сдѣлалъ никакого зла, и который каждую минуту жизни своей окупаетъ трудомъ и пожертвованіями. (*Взвѣзъ его за руку*). Вы, Густавъ, честны и благородны; за это я могу поручиться.... (*оставливаетсл, увидѣвъ входящую Старостину*).

ЯВЛЕНИЕ V.

Густавъ, Альфредъ, Старостина, Целина.

старостина (*входитъ, опираясь на руку Целины*). Ты такъ поспѣшно оставилъ насъ, Густавъ; а я почувствовала большую слабость предъ самымъ отъѣздомъ гостей... Искала руки сына, на которую-бы могла опереться. Къ-счастію, подоспѣла Целина....

густавъ (*цѣлуя у ней руку*). Простите моему невниманію, милая матушка; я не предчувствовалъ, что могу быть вамъ нужнымъ.

старостина (*садится въ кресла*). Въ мои лѣта, дѣти мои, я нуждаюсь въ вашей подпорѣ ежеминутно. (*Съ улыбкой доброты*). Но ты нынче что-то разсвѣявъ, Густавъ? Ты встревоженъ?

густавъ. Нѣтъ, матушка. Я только-что хотѣлъ идти къ вамъ, но приходъ Альфреда задержалъ меня.

старостина. Мнѣ показалось, что вы горячо разговаривали. Что-бы могло быть между вами?... (*Целина съ безпокойствомъ смотритъ на обоихъ*).

альфредъ. Между нами, сударыня? — ничего! Уваженіе мое къ вамъ и любовь моя къ вашему сыну могутъ поручиться за то, что между нами не можетъ быть никакого несогласія.

старостина. Но, можетъ-быть, сынъ мой сказалъ вамъ что-нибудь непріятное...

альфредъ. Густавъ не захотѣлъ-бы слѣзать мнѣ никакой непріятности; онъ не имѣетъ на то никакой причины. Я засталъ его скучнымъ, хотѣлъ развеселить и говорилъ, можетъ-быть, слишкомъ-громко — не болѣе.

старостина (*смотря на Густава*). И не болѣе?

альфредъ. Не подозрѣвайте насъ, сударыня; мы оба только-что хотѣли идти къ вамъ на встрѣчу...

старостина. Такъ-ли было, Густавъ?

густавъ (*принималъ веселый видъ*). Такъ, милая матушка. Какую-же могли мы имѣть причину къ неудовольствію?

альфредъ. Вы чувствуете себя нездоровую, сударыня, и вѣроятно, требуете спокойствія и отдыха.... (*цѣлуя у ней руку*). Позвольте мнѣ проститься съ вами и поручить себя вашей благосклонности.

старостина (*удерживая его за руку*). И вы не имѣете никакого неудовольствія на моего сына?

альфредъ. Даю честное слово, что не имѣю на Густава ника-

кого неудовольствія и что съ полною довѣренностію полагаюсь на благородный образъ его мыслей.

(Кланяется дамамъ, подаетъ съ искренностію руку Густаву и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Старостина, Густавъ, Целина.

старостина (по уходъ Альфреда, Густаву). Ты слышалъ, Густавъ: онъ полагается на твой благородный образъ мыслей: пзъ этого я вижу, что вы разговаривали о предметъ, занимающемъ васъ обоихъ. Вы говорили между собою о Целинѣ... Не такъ-ли?...

густавъ. Такъ, матушка, мы говорили о Целинѣ, о той, которую ты предназначила для него...

старостина. И которую ты, къ собственному и къ ея несчастію, увлекаешь своею безразсудною любовью?...

густавъ (живо). Увлекаю? нѣтъ!... Бога беру въ свидѣтели, что любовь моя къ Целинѣ не есть слѣдствіе минутныхъ восторговъ и мечтаній.... Я вмѣстѣ съ нею взросъ — и вмѣстѣ лягу въ могилу!

целина (цѣлуетъ руку Старостины). Я, которая привыкла отъ дѣтства звать васъ своею матерью, я огорчила, — оскорбила васъ, какъ мать того сына, въ которомъ возбудила любовь!... О, простите несчастной; — требуйте отъ нея всякой жертвы — она готова на все для васъ; она не въ-силахъ заплатить вамъ неблагодарностію!...

густавъ. Целина невинна; никогда взаимной любовью не воспламеняла она чувствъ моихъ... я самъ тайлъ ихъ передъ нею, и только сего-дня, въ первый разъ, отважился открыть ей всю силу страсти моей. Напрасно старается она укрыть тайну своего сердца; признавши то, что составляетъ счастье вашего сына, становится виновницею передъ судомъ матери и съ трепетомъ ожидаетъ своего приговора....

старостина (обнимая Целину, которая падаетъ передъ ней на колѣна, и подавалъ руку Густаву). О, не разстроивайте меня, дѣтя мои; не заставляйте меня прижать васъ къ моему сердцу, благословите любовь вашу... замѣнить счастье жизни взшей цѣпью бѣдъ и несчастій... Не принуждайте разсудка моего умолкнуть передъ привязанностію сердца....

густавъ (приближается къ Целинѣ и беретъ ее за руку). Ма-

тушка! умоляю васъ — слѣдуйте влеченію вашего сердца; вѣрьте: оно укрѣпитъ ваше счастье вѣрнѣе холодныхъ расчетовъ разсудка....

старостина. Выслушайте меня, дѣти мои... открою вамъ тайну происхожденія Целины, и потомъ отъ нея самой буду ожидать рѣшенія судьбы вашей. (*Густавъ слушаетъ, держа Целину за руку*). Слушайте... лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я проѣзжала по одной изъ отдаленныхъ улицъ Варшавы. Кучеръ мой, по-неосторожности, едва не задавилъ лошадыю маленькую дѣвочку, оставленную безъ присмотра передъ однимъ домомъ. Пораженная крикомъ дитяти и подоспѣвшей его матери, я посмотрѣла въ окошко и увидѣла бѣдно-олягтую жеящюу. Утѣшая плачущую дѣвочку, она осыпала бранью моего кучера. Мнѣ хотѣлось вознаградить ее за неосторожность кучера. Я вышла изъ экипажа и вошла, вслѣдъ за матерью, въ ея квартиру. Это была бѣдная работница. (*Целина освобождаетъ свою руку изъ рукъ Густава...*) Жалость подавила меня при видѣ израненнаго ребенка, при видѣ нищеты его матери. Я дала себѣ слово обезпечить судьбу дѣвочки и взять ее къ себѣ. Мать охотно согласилась на мое желаніе и призналась, что и безъ того уже собиралась отдать ее въ монастырь, потому-что, отлучаясь ежедневно на работу, она не могла оставлять ее безъ присмотра. (*Подала Целину руку*). Вотъ какимъ образомъ досталась ты мнѣ, милая Целина, на пятомъ году твоего возраста. Ты скоро забыла о своей матери, и этимъ дорогимъ пениемъ привыкла называть меня. Тогда я не вмѣла еще желанія поставить тебя выше твоего происхожденія; но послѣ, привязанность, которую я ощутила къ тебѣ, красота твоя и необыкновенныя способности, которыя начали развиваться въ тебѣ такъ рано, — все это побудило меня дать тебѣ свѣтское воспитаніе, которымъ ты теперь такъ воспользовалась.

густавъ. И вы полагаете, матушка, что ваше признаніе можетъ имѣть вліяніе на перемѣну чувствъ моихъ къ Целинѣ?...

старостина. Выслушай до конца, Густавъ. Когда Целина своею привязанностію ко мнѣ, своими качествами и талантами, начинала уже услаждать жизнь мою, тогда дошли до моего слуха извѣстія объ ея фамиліи.... Эти извѣстія побудили меня скрыть передъ свѣтомъ и передъ нею самою ея происхожденіе и фамильныя обстоятельства... Я намѣрена была унести эти тайны съ собою въ могилу, и для этого перемѣнила прежнее ея имя; выдавала ее за сироту и старалась отыскать для нея мужа, который-бы могъ обезпечить ее, осчастливить и успокоить. — Выборъ мой былъ уже рѣшовъ; я радовалась исполненію надеждъ моихъ.... а ты,

Густавъ, разрушилъ сегодня эти надежды, вынудивъ у меня призываніе, равно неприятное какъ для васъ, такъ и для меня!...

целина (*сильно-тронутал*). А тѣ фамильныя обстоятельства, о которыхъ вы только-что вспоминали?...

старостина. Ихъ я не открою тебѣ никогда — довольно того, если скажу тебѣ, что эти обстоятельства полагаютъ главную преграду къ исполненію желаній вашихъ....

целина (*задумавшись, печально*). А мать моя?... Жива-ли она?

старостина. Жива, но никогда не видала тебя и даже не знаетъ, гдѣ ты; — я имѣла причины скрывать отъ нея свое имя и мѣсто твоего пребыванія.

целина (*съ горькою улыбкою*). И она никогда не спрашивала о своей дочери? она никогда не старалась узнать о пей?...

старостина. Когда я взяла тебя, ты была еще такъ-молода... Не дивись, если мать твоя позабыла о тебѣ.

целина (*въ волненіи*). А я? — могу-ли я также забыть объ вей, какъ она обо мнѣ?...

старостина. Я никогда не забывала объ ней; я вывела ее изъ нищеты; она могла прилично содержать себя своими тайными вспомоществованіями. Ты можешь быть совершенно спокойною объ ея участи, и не зная ее лично, остаться чужою для нея особою.

целина (*съ жаромъ*). Чуждой для нея?... Дочь — чуждою для матери? — дочь, которая не признаетъ своей матери, — которая отрекается отъ обязанностей, возложенныхъ на нее самимъ Богомъ?... (*бросается на грудь Старостины*). Ахъ! неужели до этого могли довести меня ваши благодѣянія!...

старостина. Успокойся, Целина. Горестъ твоя и твои благородныя чувства даютъ тебѣ еще болѣе цѣны въ глазахъ моихъ. Благоразумный мужъ будетъ умѣть осуществить твои надежды и дать тебѣ средства исполнить обязанности дочери, безъ нарѣканій свѣта.

целина (*вырывается изъ объятій Старостины*). Мужъ?... для меня мужъ?... о, вѣтъ! вѣтъ! я чувствую, что мнѣ несудебно наслаждаться счастіемъ супружеской жизни; я тихо угасну на землѣ этой, угасну безъ друга, который-бы могъ усладить минуты жизни.... я не оставлю по себѣ никого, кто-бы могъ уронить слезу на могилѣ моей! (*Рыдаетъ*).

густавъ. Матушка! довольно, довольно объ этомъ! О, какъ должны быть тяжелы такія раны для ея сердца! (*Приближается къ ней*). Целина! милая Целина! Неужели и я не могу быть другомъ твоимъ? Неужели и я не буду въ состояніи дѣлать вмѣстѣ съ тобою все бѣдствія и усладить жизнь твою?...

старостина (*съ густавомъ*). Прости мнѣ, милая Целина... я огорчила тебя извѣстіемъ о твоёмъ происхожденіи. Вспомни, Целина, о томъ, что я мать, — что онъ единственный сынъ мой, — что свѣтъ такъ неумолимъ; онъ невольно заставилъ меня опасаться за будущую судьбу Густава, еслябъ онъ владѣлъ рукой твоей...

целина. Не бойтесь... Целина не будетъ никогда супругою вашего сына.

густавъ (*съ жаромъ*). Она — или никто!...

целина. Густавъ! заклинаю тебя именемъ той любви, которую ты посвятилъ мнѣ и отъ которой ты долженъ отречься; — умоляю тебя — забудь о несчастной Целинѣ... Я должна умереть, отверженная любовью и забытая людьми. Я не могу выбрать себя супруга изъ того низкаго званія, къ которому принадлежу; я не въ состояніи дѣлать съ нимъ его труды и удовольствія. Могу ли посягнуть на выборъ лучшей, когда тамъ ожидаетъ меня презрѣніе мужа и родныхъ его!...

старостина. Не увлекайся горестью, милая Целина. Если ты чувствуешь, что Густавъ не можетъ-быть супругомъ твоимъ, то будь увѣрена, выборъ мой падетъ на другаго, — на человека, который могъ-бы обезпечить судьбу твою и даже осчастливить тебя. Успокойся... забудь обо всемъ.

густавъ. И вы, матушка, и вы можете такъ легко жертвовать мною для холодныхъ разсчетовъ приличія? Какъ?... мнѣ уступить другому Целину и опозорить мое имя, только потому, что она не можетъ привести мнѣ въ приданое знатной фамиліи и богатства?... Нѣтъ, милая матушка, этого вы не станете требовать отъ меня. Уважаю волю вашу, — буду вамъ послушнымъ, — оставляю Целину — удалюсь отъ нея, если вы того требуете; удалюсь отъ нея только для того, чтобъ увѣрить васъ, что не минутное влеченіе, не пылъ любви руководятъ мною, а твердая увѣренность въ томъ, что одна только Целина можетъ сдѣлать меня счастливымъ... Настанетъ время, когда вы сами будете желать этого!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII:

Старостина и Целина.

старостина (*смотритъ печально въ-слѣдъ Густаву*). Онъ оставляетъ насъ съ горестью, съ неудовольствіемъ въ сердцѣ, можетъ-быть, съ неудовольствіемъ противъ своей матери! Ахъ, я не могла никогда воображать, чтобы привязанность его къ тебѣ была

такъ сильна! — Густавъ! Густавъ! воротись сюда! Боже мой!... Неужели любовь къ Целинѣ можетъ ослабить привязанность его къ матери? ..

целина (*съ чувствомъ*). Успокойтесь, моя благодѣтельница. Никакого неудовольствія не можетъ быть противъ васъ сынъ вашъ. Разсудокъ его скоро возьметъ верхъ надъ минутнымъ влеченіемъ. Онъ скоро забудетъ меня, въ тишинѣ безмолвныхъ ночей, въ борьбѣ враждебныхъ чувствъ, возмущающихъ его сердце, въ ту минуту, когда ему придетъ на мысль сегодняшній разсказъ вашъ, — когда онъ вообразитъ себя мать Целины... (*въ сильномъ волненіи*)... окруженную признаками нищеты и убожества; — когда вообразитъ, что она могла-бы быть и его матерью — о!... (*плачетъ*). Тогда онъ, навѣрно, забудетъ обо мнѣ!...

старостина (*процуптал*). Целина! Ты раздраешь мое сердце... пожалѣй обо мнѣ!

целина (*падала передъ ней на колѣна и обнимая ее*). О, помогите мнѣ!... вы, которая дали мнѣ болѣе, чѣмъ жизнь, — вы — мать Густава, — дайте мнѣ совѣтъ; скажите мнѣ, что я должна дѣлать, для того, чтобы онъ обо мнѣ и я объ немъ забыть могла?... О, если-бы вы могли возвратитъ меня къ тому состоянію, изъ котораго взяли, — отнять отъ меня то образованіе, тѣ таланты, которыми надѣлили, — тогда я не могла-бы и воображать о томъ, въ чемъ теперь полагаю все мое счастье... Для чего вы не воспитали меня, какъ простую служанку?... Я была-бы привязана къ вамъ и тогда точно также, какъ и теперь!...

старостина. Целина, добрая Целина, успокойся, прошу тебя!

целина. Вы хотѣли образоватъ меня, хотѣли, чтобы я не была чужда вашему обществу, хотѣли, чтобы я могла нравиться другимъ и занимать тѣхъ, кто узнаетъ, кто пойметъ меня... Увы! я увидѣла этотъ свѣтъ, который только сначала поразилъ меня; — я теперь не чужда этому обществу, которое только въ состояніи презирать меня; — я умѣла повратиться, но для того только, чтобы отравитъ сердце матери, — показатъ себя неблагодарною передъ первою благодѣтельницею моею. Ахъ!... отнимите отъ меня плоды благодѣяній вашихъ... они сдѣлали меня жертвою!... (*Бросается съ рыданіями на грудь Старостины*).

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Нѣсколько мѣсяцовъ спустя. Дѣйствіе происходитъ въ Варшавѣ.
Театръ представляетъ комнату въ заѣздомъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Целина, одна.

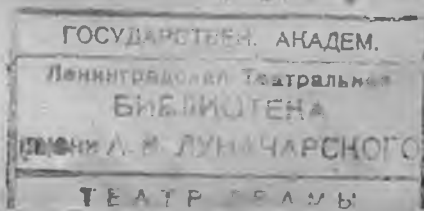
26642 883. 9763

Целина (*сидитъ въ задумчивости передъ столикомъ и отираетъ слезы. Одета въ трауръ*). И вотъ прервано спокойствіе моей жизни! Я вступила какъ-будто на чужую для меня землю; я должна жить съ людьми мнѣ незнакомыми, одна, безъ покровительства, безъ друзей. Исчезли все мечты мои; протекшіе годы остались для меня призракомъ утраченнаго навсегда счастья, а моя будущность... (*задумывается*) ужасна! Смерть лишила меня благодѣтельницы, а сила предрасудковъ свѣта — друга; я осталась одна въ этомъ омутѣ свѣта, въ которомъ никогда не сыщу спокойствія, не только счастья. (*Пауза*). Какъ жестоко преслѣдуетъ меня судьба! Не довольно было отречься отъ Густава и отдалить нѣжную любовь его, надобно было сдѣлаться неблагодарною — надобно было лишиться благодѣтельницы, — той, для которой пожертвовала счастьемъ моей жизни. (*Пауза*) Я не могла даже омочить слезами гробъ ея: я-бы встрѣтила тамъ Густава!... Мнѣ нельзя было остаться въ деревнѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пережила я свое счастье — теперь тамъ Густавъ!... Слезы еще не успѣли высохнуть послѣ потери общей нашей матери, какъ уже мнѣнія свѣта и любовь вытѣснили меня изъ его дома. (*Пауза*). Нашей матери!... (*Съ глубокимъ вздохомъ*). То былъ послѣдній отголосокъ продолжительнаго моего ослѣпленія!... Но развѣ у меня нѣтъ здѣсь матери, которую я должна узнать, должна отыскать непременно?... О Боже, подкрѣпи меня!... Я дрожу вся при одной мысли. (*Слышитъ шумъ у дверей*). Кто-то идетъ; вѣрно служанка, которую я послала разузнать о моей матери. (*Вставал*).... Что-то она скажетъ мнѣ?...

ЯВЛЕНІЕ II.

Целина, Густавъ, въ траурѣ.

Целина (*увидѣвъ Густава; въ-сторону*). Небо! это онъ.
Т. VII.

густавъ. Целина! можно-ли было оставлять своего друга и оставлять въ такое время, когда онъ нуждается въ помощи...

целина (*смѣшавшись*). Густавъ, вы здѣсь?.. Чтѣ привело васъ въ Варшаву?

густавъ. Ты, Целина; для тебя одной прѣхалъ я сюда, умолять тебя о милости надо мною... освротѣлымъ...

целина. Оставляя домъ вашъ, я исполнила мою священную обязанность въ отношеніи къ вашей матушкѣ, въ отношеніи къ вамъ и въ отношеніи къ самой себѣ...

густавъ. И можно-ли было, безъ моего вѣдома, пускаться съ одною только служанкою, въ дорогу, въ большой городъ, въ которомъ вы не имѣете ни друзей, ни знакомыхъ...

целина (*встревоженнал*). У меня здѣсь мать...

густавъ. Еще не пришло время увидѣть ее. Послѣ нашей общей потери вамъ надобны спокойствіе и отдыхъ. Вы могли-бы положить на мою заботливость, я отыскалъ-бы вашу мать и привезъ-бы ее къ вамъ...

целина. А я между-тѣмъ подверглась-бы толкамъ и упрекамъ всѣхъ тѣхъ, кто меня знаетъ; каждая минута, проведенная въ вашемъ домѣ, была-бы отравлена для меня мыслию о дурныхъ словахъ, можетъ-быть, о безславіи...

густавъ (*возлѣ ее за руку*). Целина! не говори мнѣ этого; слова твои ужасно звучатъ въ ухахъ того, кто хотѣлъ-бы назваться твоимъ другомъ. Еслибы ты довѣрила мнѣ, еслибы могла открыть твои опасенія, я-бы удалился изъ моего дома, и нога моя не была-бы въ немъ до той самой минуты, когда мы могли-бы объявить передъ свѣтомъ о нашемъ союзѣ...

целина (*отпихивая у него руку*). Эта минута не наступитъ для насъ никогда...

густавъ. Не повторяй мнѣ этихъ ужасныхъ словъ, Целина!.. Я всегда уважалъ волю моеи матери; я дивился благородному образу твоихъ мыслей, когда ты общалась ей забыть обо мнѣ, для того только, чтобы не огорчить той, которая воспитала тебя... Но ты не могла, не должна была позабыть меня, Целина. И теперь, когда обожаемая матушка оставила насъ, когда всѣ земныя удовольствія и горести уже чужды для нея, — теперь, спрашиваю тебя: какія препятствія могутъ помѣшать нашему счастью?

целина. Смерть матери не освобождаетъ насъ отъ прежнихъ обязанностей, и мы должны сдержать слово передъ прахомъ ея...

густавъ (*съ чувствомъ*). Помнишь-ли ты, Целина, тотъ мучительный для насъ день, когда добрая матушка грустнымъ признаніемъ своимъ хотѣла разлучить насъ, хотѣла заслонить насъ

обояхъ отъ клеветы свѣта; помпншь-ли, какъ она перевозмогала себя, опасаясь открыть передъ нами тайное желаніе своего сердца; — о, она тогда охотно-бы благословила насъ, еслибы мысль о мнѣвиіи свѣта не остановила ее...

целина (*грустно*). Это было минутное влеченіе чувствъ ея, слѣдствіе ея привязанности къ намъ, а слѣвая привязанность часто доводитъ до ошибокъ.

густавъ (*взявъ ее за руку*). Чувство матери перевозмогало въ ней опасеніе свѣтской женщины, пользовавшейся отношеніями и правами общества. Теперь, когда чистая душа ея освобождена отъ всѣхъ ничтожествъ временной жизни, — теперь, мать моя, изъ горней обители благословить союзъ нашъ. (*Съ живостію*). Целина! оттуда ждетъ она моего счастья, — ты была-бы неблагодарною, еслибы не вняла ея голосу....

целина (*съ сильнымъ волненіемъ*). Густавъ! зачѣмъ я увидѣла тебя снова! Я чувствовала надъ собой столько власти, что надѣялась утишить любовь, губительную для насъ обоихъ, а ты раздвужаешь ее снова въ слабомъ сердцѣ.

густавъ (*съ восторгомъ*). Нѣтъ, Целина! Ты не могла отречься любви; ты любишь меня, ты будешь моею!

целина (*превозмогалъ себя*). Заклинаю тебя, Густавъ, имеемъ любви твоей, не требуй отъ меня рѣшительнаго отвѣта... Оставь меня одну; я должна исполнить важную обязанность. Вспомни, что матушка твоя напоминала мнѣ о моемъ происхожденіи, которое ставила главнымъ препятствіемъ нашему союзу. Всѣ мои просьбы — узнать о моей матери, были тщетны. Наконецъ, случайно узнала я отъ нея, что мать моя живетъ въ Варшавѣ, и нужно-ли говорить, какъ мнѣ хотѣлось отыскать ее, узнать всѣ обстоятельства, которыя такъ-сильно тревожили твою матушку...

густавъ. Только не теперь, Целина, не теперь... Мы узнаемъ это послѣ. ..

целина. О, нѣтъ — послѣ, можетъ-быть, уже будетъ поздно; сегодня-же я должна разрѣшить всѣ сомнѣнія, должна узнать истину... (*Съ горестію*). Хотя-бы то была и самая горестивая...

густавъ. Поручи это мнѣ, Целина; позволь мнѣ самому отыскать твою мать; дай мнѣ приготовить ее къ свиданію съ дочерью; позволь мнѣ склонить ее ѣхать въ деревню.... тамъ уже можешь исполнить ты всѣ свои желанія ...

целина. Нѣтъ, Густавъ, — твоя привязанность могла-бы склонить меня къ пренебреженію совѣтовъ твоей матери; я должна сама узнать всю правду и потомъ уже рѣшиться на что-нибудь.

густавъ. По-крайней-мѣрѣ, позволь мнѣ проводить тебя, Целина.

целина. Нѣтъ... никогда не соглашусь на это... Я сама, только сама, должна быть тамъ. (*Входитъ служанка Целины*). Вотъ и служанка моя. Густавъ, оставь насъ. ..

густавъ. Исполняю волю твою, но прошу тебя, общай мнѣ, что ты не рѣшишься ни на что безъ моего совѣта, что ты не отвергнешь моей помощи...

целина (*съ безпокойствомъ*). Общаю, Густавъ; общаю, хоть, можетъ-быть, и нечувствую всѣхъ силъ для такого обещанія. (*Густавъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Целина, Служанка.

целина (*по уходѣ Густава, съ живостію*). Что-жъ? узнала-ли ты, гдѣ живетъ эта женщина? отыскала-ли тотъ домъ, о которомъ я говорила тебѣ?..

служанка. Насилу отыскала... Ахъ, сударыня, если-бы вы знали, въ какомъ онъ захолустьѣ...

целина. Видѣла-ли ты ее?... Говорила-ли ты съ ней?..

служанка. Нѣтъ; я узнала объ ея квартирѣ отъ какого-то человека, который стоялъ у воротъ.

целина (*въ сильномъ волненіи*). Пойдемъ-же, ты проводишь меня.

служанка. Но... сударыня... неужели вы рѣшились идти туда?..

целина. Рѣшилась, и должна идти; проводи меня. (*Подумавши*). Ты не войдешь за мною въ избу; ты останешься на улицѣ и тамъ подождешь меня... слышишь-ли?

служанка. Вы войдете одинъ, сударыня?..

целина (*прерываетъ ее*). Да, да, пойдемъ-же. (*Выходитъ*).

Перемѣна декораций.

Жилище Петровой. Простая изба. На-лѣво, съ глубины театра большой столъ; на-право постель и подлѣ нея сундукъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Петрова, Филиппъ.

петрова. Такъ тебя не видалъ никто, какъ ты выбѣжалъ изъ того дома?

Филиппъ (*кладя левую руку на черный платокъ, который виситъ у него на шепъ*). А хоть-бы и видѣлъ кто, — велика беда! Тогда я былъ переодѣтъ въ лакейскую ливрею, — а теперь я нищій и колъка. (*Показывая на руку*).

Петрова. Какъ будто тебя не знаютъ! вѣдь не первый разъ попадаешься къ нимъ въ руки! Э, охъ! ужъ надѣлаешь ты мнѣ бѣды; лучше-бы пошолъ куда-нибудь въ другое мѣсто, — въ какой-нибудь другой городъ...

Филиппъ. А! хочешь сбыть меня ... небось, вамъ худо со мною, всбось, мало наносилъ я вамъ всякой всячины?

Петрова. Но мнѣ ужъ лучше имѣть дѣло съ чужими, чѣмъ съ своимъ сыномъ. Развѣ мало ты мнѣ павелъ страху, когда, позадь тому два года, потянули меня въ судъ, какъ мать твою....

Филиппъ. А я развѣ не отперся отъ тебя? развѣ впуталъ тебя въ мое дѣло?... а?... Я таскалъ два года кандалы, а тебя никто и пальцомъ не тронулъ....

Петрова. Ну, смотри, Филиппъ. Помни пословицу: повадилса кувшинъ по воду холить, тамъ ему и голову сломить.

Филиппъ. Спрячь-ка лучше, матушка, куда-нибудь подальше тѣ ложки, что я принесъ сегодня, чѣмъ переливать изъ пустаго въ порожнее...

Петрова. Спрятала ихъ подъ постелью.... вечеромъ понеси ихъ на рынокъ, да одну-то оставь для меня.

Филиппъ. Нѣтъ; надобно ихъ все растопить; лучше возьму за нихъ деньги, да потомъ пользуюсь съ тобой.

Петрова. О, ужъ подѣлишься ты — таковской!

Филиппъ. Тсъ!... кто-то идетъ...

(*Сидитса на край стола и надвигаетъ шляпу на брови*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Янъ.

(*Вслѣдъ за нимъ входятъ два работника и садятся за столъ*).

Янъ. Доброга утра, Петрова!... а нѣтъ-ли тамъ для меня чего-нибудь кисельякаго?... Тѣфу, пропасть! такъ хочется спать, какъ чортъ знаетъ кому....

Петрова. Есть, батюшка, борщъ, да еще какой знатный. Гдѣ-же ты, мой голубчикъ, такъ загулялся сегодня?

Янъ. Да все на этомъ проклятомъ балѣ. Не повѣрите, пани Пе-

трова, что́ вто за канальская служба! Человѣкъ и безъ того цѣлую ночь на ногахъ, а тутъ еще встать рано, убери комнаты, да потомъ трясись за экипажемъ. Теперь оставилъ барина въ одномъ домѣ, а самъ (*зѣваетъ*) пришолъ сюда перекусить чего-нибудь; въ глазахъ такъ и туманится....

петрова (*ставя передъ нимъ миску*). Что-жь? развѣ нельзя было перекусить чего-нибудь на этомъ балѣ-то?

явѣ. Э, гдѣ тамъ перекусить! Дадутъ что-нибудь эти лакеи; — расхватили самп всё, что ви осталось (*Начинаетъ петь*). А еслибъ ты, матушка, знала, что тамъ была за суматоха?

петрова. А что такое, мой батюшка?

явѣ. Да изволишь видѣть... втерся между дворовыми какой-то воръ, и въ то время, какъ мы собирали со стола, укралъ нѣсколько серебряныхъ ложекъ. (*Филиппъ подвигаетъ шапку на брови*).

петрова. И, полно!... Ну, и поймали его?..

явѣ. Гдѣ тамъ! Видно, что старшій мастеръ; разумеется, взявъ ложки при всѣхъ насъ, а потомъ и сгинулъ, какъ камень въ водѣ.

петрова. А видѣлъ ты его, мой батюшка?

явѣ. Да также, какъ тебя теперь. — Попадись онъ мнѣ гдѣ-нибудь, такъ узнаю какъ разъ. (*Петрова показываетъ безпокойство*).

филлиппъ (*смѣло обращаясь къ Яву*). Эхъ, еслибъ, сударь, наткнулись вы на него, кудабы какъ не хуло отправить молодца въ полицію. За этихъ мошенниковъ нашъ братъ, бѣднякъ, не уприситъ себя у господъ ни куска хлѣба; покажись только въ домѣ, такъ какъ разъ примутъ за вора да и вытолкнутъ за дверь....

явѣ. Да и у насъ, у дворовыхъ людей, эти канальи отнимаютъ хлѣбъ; украдутъ одинъ, а господа недовольны всѣми. Ну, представь себя, если онъ въ-самомъ-дѣлѣ лакей, тотъ мошенникъ, что укралъ ложки.

филлиппъ. Э! а можетъ онъ былъ переодѣтъ лакеемъ, они мастера и на это!

явѣ. Можетъ и такъ; — а какъ сшметъ ливрею, кто его тамъ узнасть.

филлиппъ. Разумеется; кто тамъ его узнаетъ!

явѣ (*переставъ петь*). Ну, Слава Богу, подкрѣпился немного; — теперь надобно немножко вздремнуть; глаза такъ и липнутъ.... (*Опирается локтями на столъ и засыпаетъ*).

петрова. Усни себя немножко, на здоровье. (*Даетъ знакъ Филиппу, и когда тотъ подошелъ къ ней, говоритъ ему тихо*). Убѣрайся ты отсюда скорѣй; и такъ уже не малаго навелъ ты мнѣ сграху....

Филиппъ. Поди-ка, напередъ, матушка, да взгляни на улицу, вѣтъ-ли тамъ кого-нибудь изъ нихъ, — изъ этихъ полвцейскихъ... могу-ли я пройти безопасно?..

Петрова. Ну, ступай же за мною слѣдомъ.... (хочетъ выйти, какъ вдругъ отворится дверь).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣже, Целина.

Целина (поспѣшно входитъ, но останавливается послѣ перваго шагу, съ выраженіемъ безпокойства и робости).

Петрова. Это что? Какая-то барыня. (Подходитъ къ Целинѣ, которая не смѣетъ приблизиться къ ней.) Вы, сударыня, вѣрно, позволили ошибиться, — кого вамъ угодно, сударыня?

Целина (дрожащими голосомъ). Здѣсь живетъ... Петрова?... та, что содержитъ шипокъ?

Петрова. Точно-такъ, здѣсь, сударыня; я Петрова, къ вашей милости.

Целина (смотритъ на нее, потомъ обводитъ безчувственнымъ взглядомъ все окружающее, дрожитъ вся и слабѣетъ. По минутномъ молчаніи)... Милая... прѣкажи мнѣ подать стулъ... мнѣ дурно.... (Филиппъ подаетъ стулъ; Целина садится и терлетъ чувства на рукахъ Петровой.)

Петрова. Вотъ прекрасно! Пришла сюда, чтобъ заболѣть, — что я стану съ нею дѣлать. — Еще умереть пожалуй, такъ тутъ не обещься хлопотъ.

Филиппъ. Постой-ка; протрезвится она у меня, дай только хорошевыко стисну ей лѣвую руку. (Жметъ ей руку; Целина приходитъ въ чувства; смотритъ на него пристально и отталкиваетъ его съ угрозой; обращается къ Петровой, всматривается въ нее, и потомъ закрываетъ глаза рукою. Въ то же время выпускаетъ она изъ рукъ богатый ридикюль, въ которомъ брякнули деньги. Филиппъ сжимаетъ шапку и, будто ненарокомъ, бросаетъ ее на ридикюль).

Филиппъ. О, какъ ей помогло это!... Видишь, очулась... А когда она отталкиваетъ меня, то и я пойду себя прочь. (Поднимаетъ шапку съ ридикюлемъ, прлетѣтъ его и отходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣже, кромѣ Филиппа.

Петрова. Что съ вами сударыня?

ся и говоришь такія вещи, что никакъ вхъ не согласишь оныя съ другими; — такъ неумудрено, что боюсь; впутаешь еще меня въ какую-нибудь бѣду... Отчего не скажешь мнѣ по-просту, чѣго тебѣ надобно отъ меня?

целина (*стиралась перевозмогъ себя*). Правду говоришь... Мнѣ надобно было съ перваго разу сказать тебѣ, что привело меня сюда... Дай только собрать свои мысли... (*Минутное молчаніе*). Вотъ видишь, одна барыня, которая жила въ деревнѣ, не присылала-ли тебѣ... когда-нибудь... какого-нибудь вспомошествованія?

петрова. А... такъ, правда. Какал-то добрал барыня, потому-что я видѣла ее всего только одинъ разъ, и съ того времени она не забывала меня...

целина. Увы! Она уже болѣе не вспомнить объ насъ! (*Съ плачемъ*). Она оставила насъ навсегда...

петрова. Чтѣ? умерла, можетъ? Право, жалко ее; добрал была барыня; упокой Господи ея душу!...

целина. Но она, кажется, взяла твою дочь на воспитаніе и не отдала тебѣ ее назадъ?...

петрова. Такъ, такъ, правда. Дай Богъ ей за это царствіе небесное!

целина (*въ волненіи*). И ты не жалѣла никогда объ этой дочери?

петрова. Э... моя матушка — отчего-жъ мнѣ было жалѣть объ ней? Развѣ тамъ обижали ее? Ужъ вѣрно, ей было тамъ лучше, чѣмъ у меня или въ какомъ-нибудь монастырѣ, между подкидышами...

целина (*съ жалостію*). Такъ ты се, вѣрно, не любила, когда рѣшилась-бы помѣстить ее между подкидышами?

петрова. Когда была па носу, такъ гдѣ тутъ думать о дѣтяхъ, — тогда подумаешь о томъ, какъ-бы сбыть ихъ.

целина. Но теперь, когда ты въ достаткѣ — неужели-бы ты не хотѣла принять къ себѣ своей дочери?...

петрова. Смѣкаю я, къ чему идетъ все это... Теперь, видно, какъ умерла ея благодѣтельница, когда ей бѣда, такъ она вспомнила обо мнѣ и хочеть навязаться на мою шею...

целина. А еслибъ и такъ было, хотѣла-ли-бы ты взять ее къ себѣ?

петрова. Э, отстапъ ты отъ меня, моя матушка... Ужъ если моя дочь не вспомнила обо мнѣ, когда ей было хорошо, — ужъ когда столько лѣтъ не спросила даже, жива-ли я, — такъ пусть се себѣ не вспоминаетъ, когда ей худо.

целина (*сильно тронутая*). А если-бы оказалось, что дочь твоя вовсе не знала, есть-ли у нея въ живыхъ мать, — если она о томъ узнала только-что передъ смертію своей благодѣтельницы, и если, не имѣя теперь никакого пристанища, она хотѣла-бы вернуться къ своей матери?

петрова. А что-бы я тутъ стала съ ней дѣлать?... Вѣрно, она прывыкла ко всемъ выгодамъ, — вѣрно служила тамъ какою-нибудь горничной или компаньйонкой у той барыни — хотѣла-бы, вѣрно, Богъ вѣсть, чего; работать-бы не могла. Откуда я возьму на ея содержаніе?

целина. А если-бы она п того не требовала?... если-бы сама хотѣла предложить тебѣ приличное содержаніе, — если-бы сама хотѣла освободить мать свою отъ тяжелой работы и отъ всѣхъ хлопотъ? (*Взявъ ее за руку*). Если-бы эта невинная и несчастная дочь захотѣла-бы мать свою осчастливить?...

петрова (*слыша сильный шумъ у дверей*). Тсъ!.. Тше... Ну, сударыня, договаривай скорѣе... Кто-то идетъ. (*Видя входящихъ*). Боже мой!... Полиція!... Ахъ я несчастная!... (*Целина въ изумленіи отступаетъ; Петрова въ замѣшательствѣ смотритъ на постель и сундукъ*).

явѣ (*пробуждается вдругъ*). Что́ это значить? Гдѣ я?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Инспекторъ полиціи, съ солдатами, изъ которыхъ двое держатъ Филиппа.

инспекторъ. Не выпускать никого изъ этой комнаты. (*Къ Петровой, указывая на Филиппа*). Былъ онъ тутъ сегодня? (*Филиппъ даетъ матери отрицательный знакъ*).

петрова. Не припомню, вельможный инспекторъ, — не припомню. явѣ (*вспматриваясь въ Филиппа*). Былъ, сударь, былъ; сидѣлъ вотъ тутъ, напротивъ меня.

инспекторъ. А ты кто таковъ?

явѣ. Я, сударь, лакей г. президента; пришолъ сюда пообѣдать, да и вздремнулъ на лавкѣ.

инспекторъ (*смотритъ на Целину*). А эта госпожа—кто она?

петрова. Этого не могу сказать вамъ, вельможный инспекторъ; пришла, ни съ того, ни съ сего; не знаю ее вовсе...

инспекторъ. Судя по вашей наружности, сударыня, не мало дивлюсь, заставъ васъ въ такомъ подозрительномъ мѣстѣ...

целява (*пораженная*). Въ подозрительномъ мѣстѣ?... Какимъ образомъ могло быть это?... Глав-же я?..

инспекторъ. Не хочу осуждать васъ, сударыня, но вы должны сами согласиться, что я имѣю справедливыя причины къ строжайшему допросу всѣхъ тѣхъ особъ, которыхъ засталъ здѣсь: есть подозрѣнiе, что этотъ человѣкъ, вынѣшнюю почью, укралъ серебро, и что оно спрятано въ этомъ домѣ.

целява. Боже мой! Нѣтъ!... Это подозрѣнiе должно быть несправедливо.

инспекторъ. Этотъ человѣкъ давно извѣстенъ какъ воръ; его схватили, когда онъ выходилъ отсюда и нашли при немъ этотъ ламскій ридикюль, (*показывал его*) который не могъ быть его собственностью.

целява (*увидѣвши ридикюль*). Это мой ридикюль. Такъ у меня здѣсь укралъ его?

инспекторъ. Для того, чтобы я могъ повѣрить этому, вамъ надо было объявить мнѣ, кто вы таковы и къ кому пришли сюда?..

целява (*въ сильномъ волненiи*). Клянусь вамъ Богомъ, что я невиновна, что одно только стеченiе несчастныхъ обстоятельствъ привело меня въ этотъ домъ.

флпппъ. Не вѣрьте ей, г. инспекторъ; она пришла сюда спрятать вотъ эти деньги, которые въ ридикюль; съѣкнувши это, я взялъ его у ней съ тѣмъ, чтобы доставить въ полицiю.

инспекторъ. Слишкомъ-грубая ложь, чтобы можно было повѣрить ей. Но прежде всего, мы обыщемъ эту комнату, не спрятались ли тутъ чего-нибудь? (*Къ подлѣзъ*). Отворите-ка этотъ сундукъ. (*Петровой*). Дать мнѣ отъ него ключъ! (*Петрова отдаетъ ему ключъ*).

целява (*быстро приближаясь къ инспектору*). И развѣ можетъ быть виновата хозяйка этого дома, если нашолся у ней одинъ недобрый человѣкъ? Развѣ можно было осуждать ее въ соучастiи съ нимъ?

инспекторъ. Я не осуждаю никого безъ основательныхъ на то причинъ. Этотъ человѣкъ извѣстный мошенникъ, а (*указывал на Петрову*) эта женщина—мать его.

целява (*бросаясь на стулъ съ восклицанiемъ*). Боже!... Лучше-бъ я была сиротой!... (*Закрываетъ лицо руками. Солдаты обыскиваютъ сундукъ, достаютъ изъ него ливрею*).

инспекторъ. Что значитъ эта ливрея въ сундукъ и чья она.

петрова. Одинъ лакей намелни оставилъ ее у меня.

япъ (*всматривался въ ливрею*). Осмѣлюсь доложить, г. инспекторъ, тотъ воръ, что укралъ вчера на балѣ серебро, былъ не даъ ни взятъ, въ точно такой ливреѣ.

инспекторъ (*указывал на Филиппа*). Пусть онъ примѣряетъ ее! (*Петровой*). Если окажется, что онъ отдастъ сюда спрятать эту шкерею, то тутъ-же должно быть и серебро.

(Целина поднимаетъ голову и безчувственными глазами смотритъ на Петрову и на Филиппа).

явѣ (*когда на Филиппа надѣли шкерею*). Онѣ, г. инспекторъ; это онѣ украли серебро.—готовѣ присягнуть, что онѣ!

инспекторъ (*къ своимъ людям*). Ищите вездѣ серебра, порочайте все; оно должно быть здѣсь; не въ первый разъ эга пріятельница причесть краденныя вещи ..

целина (*въ совершенномъ помъшателствѣ, повторяетъ тихо, едва слышно послѣдніе слова*). «...Прячегъ краденныя вещи...»

явѣ (*который рылся вмѣстѣ съ прочими людьми, доставая изъ постели ложки*). А вотъ и серебряныя ложки!

инспекторъ (*Петровой*). Ясное доказательство того, что и ты участвовала въ воровствѣ сына.

целина «...Участвовала въ воровствѣ сына»...

инспекторъ. Обязанность моя заставляетъ меня открыть всѣ слѣды преступленія и арестовать не вѣхъ тѣхъ, на кого упадетъ подозрѣніе. Въ слѣдствіе этого отправьте мать вмѣстѣ съ сыномъ въ тюрьму...

целина (*смотритъ на нихъ совершенно-безчувственными глазами и повторяетъ печально*). «...Мать вмѣстѣ съ сыномъ въ тюрьму...»

инспекторъ (*Целинѣ*). Такъ-какъ я застаю васъ въ обществѣ негодныхъ людей и кромѣ того, нашолъ дорогія вещи въ ридикюль, который, какъ кажется, не можетъ принадлежать особѣ, приходшей пѣшкомъ къ женщинѣ, уличенной въ сообществѣ съ ворами, то по этому вы, суларьяня, не смотря на приличную одежду вашу, должны идти съ ними и лвиться передъ...

(Целина, слушавшая инспектора съ выраженіемъ совершеннаго помъшателства, прерываетъ его громкимъ и произительнымъ смѣхомъ).

инспекторъ. Чтѣ это? чтѣ значить этотъ неагуральный смѣхъ?

целина (*въ совершенномъ помъшателствѣ, встаетъ и беретъ Инспектора за руку*). Поди, поди сюда... Только тише, чтобъ не разбудить ее... здѣсь... здѣсь,—стань на колѣни — прочтемъ молитву... Густавъ! прочтемъ молитву за душу твоей матери—ну-же, стань на колѣни!—Читай тише... не разбуди ее... *(Становится на колѣни и молится про себя).*

инспекторъ. Она или помѣшалась.... или мастерски притворяется!..

целина (*встаетъ*). Не отталкивай меня отъ себя, не выгоняй меня изъ своего дому.... Я умѣю шить — я буду шить для тебя.... Нѣтъ! нѣтъ! — я должна уйти — бѣжать изъ твоего дому.... Густавъ! Не ходи за мной, — не смотри на меня — я сестра вора.... Нѣтъ, нѣтъ, неправда! — Я вовсе не сестра его, — она не мать мнѣ.... (*плачетъ*).

петрова. Боже! умилосердись надо мной!... Ужъ не дочь-ли моя?...

целина (*съ живостію бѣжитъ впередъ*). Дочь?... Кто сказалъ, что я дочь?... Я ни дочь, ни сестра, — у меня не было матери. (*прлцетъ за кресла*). Они меня хотятъ слѣлать дочерью, — хотятъ дать мать и брата! (*бѣжитъ къ Инспектору*). Густавъ! Помоги!... (*падаетъ безъ чувствъ на руки окружающихъ ее людей*).

(*Занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ домѣ Густава. Театръ представляетъ комнату бель-этажа, съ двумя боковыми дверями; посрединѣ стеклянные двери, выходящія на балконъ, черезъ которыя видно небо и верхи деревьевъ, растушихъ въ саду.

ЯВЛЕНІЕ I.

Валентинъ, Столяръ.

столяръ (*стоитъ у отвореннаго окна балкона, занятый работою*). Чертовски высоко! такъ высоко, что страшно и посмотреть внизъ. Ужъ довольно бы, кажется, того, что домъ стоитъ на горѣ. А то еще первый этажъ; какъ взглянешь внизъ, такъ вотъ у тебя и закружится въ головѣ. Терраса покатая, а подъ террасой рѣка. О, если упасть отсюда, такъ в косточки-бы не осталось!

валентинъ (*убирал въ комнату*). А потъ для того, чтобы кто не ушалъ туда, баринъ и приказалъ тебѣ придѣлать къ балкону новыя перила на мѣсто тѣхъ, которыя сгнили и обвалились....

столяръ. По-моему, лучше-бы совсѣмъ задѣлать окно, валентинъ. А что-жь, если балконъ такъ нравится нашей барышня; говорила, что на немъ весело сидѣть съ работой и любоваться на рѣку; баринъ готовъ сдѣлать для нея все, чего-бы она не пожелала, хотъ-бы ему стоило цѣлыхъ тысячь.

столяръ. Не приложу я тутъ уму-разуму — что эта барышня, родня она нашему барину — что-ли? Да она никакъ жила въ домъ покойной барыни?...

валентинъ. Э, какая тутъ родня! она, видишь, только воспитанница покойной барыни. Еслибъ была родня, то пашъ баринъ не имѣлъ-бы за все такихъ исторій....

столяръ. А!... такъ онъ, вѣрно, только ухаживаетъ за ней; ужъ не хочеть-ли жениться?

валентинъ. Можетъ и такъ. Будь жива покойница, такъ изъ этого-бы не вышло ничего, — а теперь кто имъ запретитъ!...

столяръ. Да никакъ она уехала изъ той деревни послѣ смерти покойницы — барыни; — откуда-же взялась потомъ здѣсь!

валентинъ. Да, уехала; послѣ того, какъ покойница скончалась, ей нельзя-же было оставаться съ молодымъ кавалеромъ, — что-бы стали говорить люди. ..

столяръ. Когда уехала, такъ зачѣмъ-же было ворочаться опять? Можетъ, только говорили, что она уехала....

валентинъ. А нашъ баринъ, видишь, не могъ и жить безъ нея; — тотчасъ поехалъ, — отыскалъ ее въ Варшавѣ, да она бѣдняжка, захворала.... только, смотри, не проболтайся никому объ этомъ.

столяръ. И, полно, съ чего мнѣ болгать,...

валентинъ. Такъ что-то у нее повернулось въ голову, знаешь, какъ у чловѣка, который сойдетъ съ ума. Лечили ее сперва тамъ, а потомъ, какъ доктора присоветовали ей жить на чистомъ воздухѣ, такъ баринъ и назначилъ для нея этотъ домъ, и потому-то самъ не живетъ въ немъ. Бѣдилъ къ ней часто, пока еще была больна, а теперь, какъ начала поправляться, такъ рѣдко когда прѣдетъ, и то только навѣдаться объ ея здоровьи.

столяръ. Не диво, что баринъ любитъ ее; она такая добрал, всѣ люди не хвалятся ею.

валентинъ. Добрая-то она, правда, да видишь-ли что: не годится, чтобы такой баринъ, какъ пашъ, женился на такой барышня, которая сама не знаетъ, кто она такая; ему надобно-бы было жениться на какой-нибудь знатной, да богатой....

СТОЛЯРЪ. А можетъ онъ и не хочетъ жениться на ней, а только такъ....

ВАЛЕНТИНЪ. Э, гдѣ тамъ! когда-бы не хотѣлъ жениться, не сталъ-бы за ней такъ ухаживать. Вотъ, видишь, недавно взялъ для ней какую-ту барыню, чтобы была при ней неотлучно, занимала-бы, да веселила ее....

СТОЛЯРЪ. А я думалъ, что эта барыня, просто служанка.

ВАЛЕНТИНЪ. Какая служанка! — барыня; какал-то, видишь, вдова, давнишняя пріятельница нашей барышни — училась съ ней вмѣстѣ въ пансіонъ. А что тутъ для нихъ обихихъ выдумокъ, да прихотей! И чего это все стѣять нашему барину?..

СТОЛЯРЪ. Э, заговорился я съ тобой; совсѣмъ изъ головы вонъ, что надобно спѣшить съ тѣми перилами; обыцалъ барину кончить ихъ къ завтраму. (*Уходитъ.*)

ВАЛЕНТИНЪ (*идя за нимъ*). Спѣши, спѣши, батюшка; да чтобы перилы-то были крѣпки, — упаси Господи какого несчастія!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Целина и Матильда входятъ изъ боковой комнаты, по правую сторону.

ЦЕЛИНА. Какая погода! (*Валентину, который хочетъ закрыть окно на балконъ.*) Нѣтъ, Валентинъ, не закрывай окна; мы отдохнемъ здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ.

ВАЛЕНТИНЪ. Да еще нѣтъ периль на балконъ, сударыня.

ЦЕЛИНА. Это не мѣшаетъ; поставь намъ тутъ два стула.

ВАЛЕНТИНЪ. Гдѣ, сударыня? — на балконъ?... Да сохрани меня Богъ.... у васъ-бы, того и гляди, закружилась головка. (*Последнія слова произвели на Целину непріятное впечатлѣніе.*)

МАТИЛЬДА. Не на балконъ, Валентинъ, а только передъ окномъ. (*Валентинъ ставитъ стуль.*)

ЦЕЛИНА. А что, Валентинъ, вы ждете сегодня барыня?

ВАЛЕНТИНЪ. Нѣтъ, сударыня, въ послѣдній разъ, какъ отъѣзжалъ, ничего не позволилъ сказать — будетъ-ли сегодня или нѣтъ.

ЦЕЛИНА. Ступай, любезный Валентинъ, только дашь намъ знать, если кто пріѣдетъ.

(*Валентинъ уходитъ въ боковую дверь на-лѣво.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Целина и Матильда, обѣ сидятъ передъ окномъ.

ЦЕЛИНА. Какое прелестное утро! Какая свѣжесть въ воздухѣ!

Запахъ цвѣтущихъ деревьевъ доходить даже сюда. Какъ тамъ всё обновляется новою жизнью! Посмотри, Матильда, туда, за рѣкой, на рядъ плуговъ, которыми земледѣльцы бороздятъ землю.... Эти волю, которые проходятъ одинъ за другимъ.... отсюда невидно ни ихъ усилій, ни ярма, которое тяготятъ шен.... Такъ и мы иногда: кажемся счастливыми, — тогда, какъ несчастіе гнетѣтъ насъ въ душѣ....

матильда. И всегда объ этомъ несчастіи! На какой-бы пріятный предметъ ты не смотрѣла, Целина, всегда стараешься найти въ немъ дурную, грустную сторону.

целина. Расположеніе духа невольно кладетъ печать грусти или веселости на тѣ предметы, которые обращаютъ на себя наше вниманіе. А въ моей душѣ запала грусть навсегда! Свобода, веселость, счастье.... стали на всю жизнь для меня чуждыми....

матильда. Видишь, какъ ты дурно дѣлаешь, Целина, какъ ты не сдерживаешь даннаго Густаву слова? Развѣ ты не обѣщала ему удалиться отъ себя грусть и скуку? Только въ его присутствіи принимаешь ты на себя веселый видъ.

целина. Ахъ, Матильда, ты не знаешь, чего мнѣ стоить это! Каждая улыбка для меня горечь, и вѣрь мнѣ, сколько разъ я обрѣдую Густава веселымъ словомъ, столько-же разъ обману его....

матильда. Какъ?... Теперь, когда уже ничто не препятствуетъ вашему союзу, когда будущность открыта для васъ, ты все еще сомнѣваешься въ вашемъ счастьи?

целина (*взлвз ее за руку*). Выслушай меня, Матильда; тебѣ могу открыть мое сердце. Наступилъ рѣшительный для меня день; — сегодня все узнаютъ мои желанія, все увидятъ мои непремѣнные намѣренія.

матильда. Чтѣ ты хочешь этимъ сказать, Целина?....

целина (*съ глубокою горестію*). Сегодня пріѣдетъ сюда Альфредъ, тотъ самый, кого предназначила для меня мать Густава....

матильда (*удивленно*). Откуда ты знаешь объ этомъ? Зачѣмъ ему пріѣхать сюда?

целина. Я сама объ этомъ просила письмомъ; — онъ пріѣдетъ сюда принять отъ меня залогъ той руки, которую назначила для него мать Густава....

матильда. Целина! Такъ ты пзмѣплешь Густаву!

целина. Я еще болѣе пзмѣпла-бы ему, если-бы поступила иначе, еслибы, слушая голосъ своего сердца, исполнила наши желанія и вышла за него за-мужъ....

матильда. Какъ?... Ты пзмѣпла-бы ему, утвердивъ его счастье?....

целина. До-тѣхъ-поръ, пока я была воспитанницей Старостины, пока меня считали за сироту, которую ея благодѣвнiя поставили рядомъ съ особами равными ей, — до-тѣхъ-поръ я могла еще льстить себя надеждою — тронуть когда-нибудь свѣтъ за себя и за мужа; но теперь, когда почти всѣмъ извѣстно мое происхожденiе.... извѣство — что мать и братъ мой въ тюрьмѣ, теперь, когда болѣзнь, переполнившая мѣру моихъ несчастiй, лишила меня всей прежней цѣны.... *(съ безчувственныиъ изъ взглядомъ)*.... когда всякой впасть во мнѣ одно только несчастное, полу-умное творенiе.

матильда *(поспѣшно прерывал ея)*. Целина!... перестань, успокойся, умоляю тебя.

целина *(помолчавъ съ минуту, и какъ-будто желалъ собрать мысли, смотритъ передъ собою и потомъ говоритъ спокойно)*. Ты говоришь правду, Матильда... докторъ велѣлъ мнѣ остерегаться всякаго волненiя и безпокойства, и особенно заклиналъ меня не вспоминать никогда о томъ.... что было.... что есть еще.... но только тамъ.... *(оглядывается съ безпокойствомъ)*. Тамъ... впереди... вдали...

матильда. А ты не слушаешь ни совѣтовъ лекаря, ни просьбъ искренней подруги твоей. Зачѣмъ тебѣ было просить сюда Альфреда?

целина. Ахъ, милая Матильда! Я не въ-состоянiи проложити свое терпѣнiе и муки, которыми терзаюсь ежеминутно. Густавъ безпрестанно осыпаетъ меня новыми благодѣвнiями; — я часто вижу его, онъ возобновляетъ прежнiя свои просьбы о свадьбѣ, — требуетъ отъ меня, чтобъ я, какъ можно скорѣе, рѣшилась на нашъ союзъ.... Нѣтъ, Матильда, силы ума моего такъ истощены, что я не въ состоянiи противостать всему бременю....

матильда. Отчего-жъ ты не можешь исполнить желанiя Густава, когда онъ въ обладанiи тобою полагаетъ все свое счастье?

целина. Любовь увлекаетъ его, — онъ заблуждается и забываетъ о самомъ мучительномъ чувствѣ презрѣнiя, котораго нельзя избѣгнуть....

матильда. Неужели ты полагаешь, что Густавъ когда-нибудь могъ-бы презирать тебя?...

целина. О нѣтъ, этого я не опасалась никогда, — да еслибы, по прошествiи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ и смотрѣлъ на меня не такъ, какъ теперь, — еслибы онъ тогда и подалъ поводъ къ пренебреженiю и даже презрѣнiю — я приняла-бы отъ него все это съ покорностию, какъ отъ моего благодѣтеля. Но онъ самъ, вмѣстѣ со мною, былъ-бы предметомъ презрѣнiя. Еслибы онъ показался со мною въ обществѣ, — люди стали-бы издадека указывать на него пальцами;

они сказали-бы другъ-другу : вотъ тотъ безразсудный, беззаботный о своей доброй славѣ, — сказали-бы : вотъ тотъ Густавъ, который женился на....

матильда (*прерывал ее*). Целина, милая Целина! Опять ты забываешься....

целина (*по минутномъ молчаніи*). Да.... я должна беречь, должна охранять его; лучше я подвергнусь сама его упрекамъ, его презрѣнію, его укоризнамъ въ неблагодарности, чѣмъ сдѣлаюсь на всю жизнь причиною его униженія и горести!....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Целина, Матильда, Валентинъ, послѣ Альфредъ.

валентинъ. Пріѣхалъ, сударыня, тотъ самый господинъ, что бывалъ прежде въ домъ покойной барыни.

целина (*встревоженная, Матильдѣ*). Это Альфредъ! Матильда! не отходи отъ меня, поддерживай меня....

валентинъ. Онъ хочетъ васъ видѣть, сударыня; — что ему прикажете отвѣчать!

целина. Проси его, Валентинъ.

валентинъ. А баринъ нашъ приказывалъ говорить всѣмъ, кто-бы къ вамъ ни пріѣхалъ, что вы нездоровы и что васъ нельзя видѣть.

целина. Проси его; не бойся барина.... (*Валентинъ уходитъ*).

матильда. Хорошо-ли, что ты, безъ вѣдома Густава, хочешь видѣться съ Альфредомъ?

целина. Я должна его видѣть.... Вотъ онъ идетъ.... Матильда, не оставляй меня!

альфредъ (*входитъ, кланяется и говоритъ холодно, обращаясь къ Целинѣ*). Я пріѣхалъ сюда, исполняя ваше приказаніе. Выраженія вашего письма удивили меня. Долженъ-ли вѣрить тому, что вы еще не позабыли меня?

целина (*смѣшавшись*). Особа, которая мнѣ нѣкогда.... была назначена доброю моею благодѣтельницею.... не можетъ такъ легко выдти у меня изъ памяти....

альфредъ. Всегда такъ мало пользовавшись вашимъ дорогимъ для меня расположеніемъ, я осмѣливался судить иначе, по теперъ вижу....

целина. Время помѣняетъ многое, уноситъ съ собой наши безразсудныя желанія, уничтожаетъ по-немногу наши памъренія...

альфредъ (*холодно*). Могутъ-ли вѣрить тому, что время измѣнило не только памъренія, но и чувства ваши?

целина (*смышавшись*). Открыла вамъ... все это въ моемъ письмѣ... Долгъ призвательности, возложенный на меня тою, которая воспитала меня, велить мнѣ чтить ея волю...

альфредъ. Влеченіе ваше вполне благородно, но не слишкомъ-ли тяжела для васъ жертва, которой оно требуетъ!

целина (*съ трепетомъ*). Я... не дѣлаю... никакого пожертвованія...

альфредъ. Ваше замѣшательство, Целина, выраженіе вашего лица, заставляютъ меня думать иначе. Мнѣ кажется, что вы покоряетесь только одной мучительной для васъ крайности, а это не можетъ предвѣщать мнѣ счастья.

целина. У меня нѣтъ столько силы разсудка, ни столько притворства, чтобы наружною веселостію я могла покрыть грусть, которая послѣ такихъ несчастій совершенно овалдела мною; но я всегда полагала найти въ васъ то снисхожденіе ко мнѣ, и то уваженіе, которыя въ состояніи облегчить мое положеніе.

альфредъ. Вы можете быть всегда совершенно увѣрены въ полномъ моемъ къ вамъ уваженіи... Но, признаюсь вамъ, мнѣ больно теперь получить несчастіемъ, крайностію и холодною обязанностію то, чего я прежде домогался получить единственно однимъ только вниманіемъ и расположеніемъ вашимъ...

целина. Уваженіемъ моимъ вы пользовались всегда, — расположеніе могло наступить со-временемъ...

альфредъ. Мнѣ кажется, что это время не наступитъ для меня никогда. Извините моей откровенности: скажу, что думаю и что намѣренъ исполнить. Я пріѣхалъ сюда, не желая огорчить васъ неисполненіемъ вашей просьбы; я не прельщался надеждою, увидѣть въ существенности то, о чемъ было говорено въ письмѣ вашемъ. Время, на которое вы ссылались, измѣнило только обстоятельства ваши, а не чувства. Не требую многого, требую только того, па что имѣетъ право каждый благородный человекъ. Обратите на васъ самихъ ваше вниманіе, углубитесь, — всмотритесь въ себя, — и вы увидите, отчего не можетъ быть исполнена воля покойной вашей благодѣтельницы...

целина (*въ сильномъ волненіи, взявъ Матильду за руку*). А... понимаю васъ, сударь... жертва и съ вашей стороны была-бы слишкомъ велика... виновата передъ вами... ошиблась... обидѣла васъ... забылась, писавъ къ вамъ письмо о томъ, кто я, и какой твердости души надобно тому, кто рѣшится принести мнѣ въ жертву чувства свои... (*къ Матильдѣ*). Матильда, проводи меня...

(*Уходитъ въ боковую комнату.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Альфредъ, одинъ, смотритъ за ней вслѣдъ.

Целна! не полагай, чтобы у меня не достало твердости. Твое несчастіе могла-бы возбудить отвращеніе только въ ничтожномъ и мелкомъ умѣ. Твое происхожденіе, — негодные поступки твоихъ родныхъ, — минутныя мученія, которымъ ты была подвержена, — ничто-бы не отвратило меня отъ тебя, еслибы я видѣлъ нежность въ сердцахъ, а не на устахъ твоихъ. Я взялъ-бы тебя изъ убогаго дома твоей матери, въ виду моихъ насмѣшниковъ, еслибы ты подала мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, хоть слабую надежду расположенія... Но изъ дому Густава, изъ того мѣста, гдѣ онъ осмѣяетъ тебя благодареніями... нѣтъ! никогда!...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Валентинъ и Альфредъ.

валентинъ (*таинственно*). Баринъ нашъ пріѣхалъ, сударь.

альфредъ (*сурово*). Что-же?...

валентинъ. Я думалъ, что вы поторопитесь убраться съ глазъ; онъ, видите, сударь, не любитъ, чтобы кто былъ у барышни.

альфредъ. Я развѣ украдкой пришолъ сюда?

валентинъ. Какъ вамъ угодно, сударь.... А вотъ и баринъ идетъ.... (*Отворяетъ Густаву двери и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Альфредъ и Густавъ.

густавъ (*останавливается, увидѣвъ Альфреда*). А! вы здѣсь, государь мой? Никакъ не полагалъ застать васъ въ этомъ домѣ....

альфредъ. Ручаюсь вамъ, сударь, что я пріѣхалъ сюда не за тѣмъ, чтобы нарушить ваше спокойствіе или противустать вашимъ намѣреніямъ...

густавъ. Хочу вѣрить вамъ, и по этому страннымъ мнѣ кажется пріѣздъ вашъ къ особѣ, которой здоровье весьма-сомнительно и для которой каждая мысль о прошломъ опасна и даже убійственна. Не мѣшало-бы принять въ соображеніе ея слабость и

удалить от нея малѣйшее душевное волненіе, которое могло-бы повредить ея здоровью....

Альфредъ. Я имѣлъ все это въ виду и не пріѣхалъ-бы сюда никогда, еслибы сама Целина не просила меня.

Густавъ (*удивленный*). Какъ сама Целина? Зачѣмъ-же она просила васъ?

Альфредъ (*смотрит на него сурово*). Вы удивляетесь этому, государь мой? Такъ, впадо, это сдѣлалось безъ вашего вѣдома?

Густавъ. Не только удивляюсь, но даже съ трудомъ могу вѣрить.

Альфредъ (*съ гордою улыбкою*). О! между нами, сударь, негодятся такія хитрости; я не ребенокъ и не слишкомъ-легковѣрный человекъ, чтобы могъ попасться въ силки, которые на меня разставляютъ.

Густавъ (*живо*). Я совсѣмъ не понимаю васъ, государь мой, и не знаю, кто-бы имѣлъ намѣреніе разставлять для васъ силки....

Альфредъ (*вынимаетъ письмо и подаетъ его Густаву*). Это письмо объяснитъ вамъ всё. (*Густавъ вырываетъ его*). Читайте его, сударь, или, по крайвей-мѣрѣ, дѣлайте видъ, что читаете и что досихъ-поръ вы вовсе не знали о немъ...

Густавъ (*пробѣгалъ письмо, съ сильнымъ смущеніемъ, въ сторону*). Целина! что это значитъ? Ты взмѣяешь мнѣ, хочешь покинуть меня?...

Альфредъ (*иронически*). Да! покидастъ васъ, — и мнѣ даетъ преимущество...

Густавъ. Не понимаю... (*Альфреду*)... Вы были у нея, сударь, и требовали отъ нея исполненія обещаній моей матери?

Альфредъ (*съ неудовольствіемъ*). Прошу васъ, сударь, еще разъ, не говорить при мнѣ давно выученной роли и не разыгрывать комедіи; — этимъ вы не проведете меня.

Густавъ (*живо*). Что вы хотите сказать этимъ? Какую-бы я имѣлъ причину хитрить передъ вами и обманывать васъ? Не знаю за собой ничего, что-бы могъ таить и скрывать передъ кѣмъ-нибудь. Хочу жениться на Целинѣ и по этому дивлюсь, если кто-нибудь другой осмѣливается входить въ права мои.

Альфредъ (*съ насмѣшливою улыбкой*). Входить въ ваши права, сударь? Ни вы, ни ваши люди, не видали меня, чтобы я вкрадывался какъ любовникъ въ домъ вашъ, чтобы старался отвлекать Целину отъ чувствъ, которыми она вамъ пожертвовала... (*Съ си-*

лю). Не вхожу въ права ваши, но и не хочу также служить плащомъ для прикрытія вашихъ... визостей...

ГУСТАВЪ (*съ гнѣвомъ*). Мовхъ визостей?... прошу васъ, сударь, объяснить мнѣ это.

АЛЬФРЕДЪ (*холодно*). Объясненіе мое будетъ ясно и понятно: когда я видѣлся съ вами, въ послѣдній разъ, въ домъ покойной вашей матери, я объявилъ вамъ, что полагаюсь на ваше благородство и увѣренъ, что вы не имѣете намѣренія ни жениться на Целинѣ, ни обольстить ее...

ГУСТАВЪ. Никогда не давалъ вамъ слова въ томъ, что не хочу жениться на ней...

АЛЬФРЕДЪ. Не говорю, чтобы вы совсѣмъ не имѣли тогда этаго намѣренія... И прежде показалось-бы странною вещью, еслибы вы взяли за себя сироту, — но теперь, даже никто не повѣритъ, чтобы вы хотѣли жениться на дѣвушкѣ, которой фамилія связана съ преступленіемъ и темницею, и которая сама только-что вылезлась отъ сумасшествія...

ГУСТАВЪ (*въ пылу гнѣва*). О, какъ это мучить!... какъ терзаетъ меня!... но подожду еще... Доканчивайте, сударь, — говорите, какія-же были въ то время мои намѣренія?...

АЛЬФРЕДЪ (*сильно*). Навязать мнѣ ее женою и покрыть добрымъ именемъ ея собственное и ваше безчестіе!

ГУСТАВЪ (*съ гнѣвомъ*). Нѣтъ!... это уже слишкомъ! — такая обида и въ собственномъ моемъ домѣ... вы, милостивый государь, вѣрно, не откажетесь дать мнѣ удовлетвореніе, — но сейчасъ-же, тутъ-же, безъ всякой отсрочки...

АЛЬФРЕДЪ. Этого только я ждалъ и этимъ только хочу разорвать съ вами всѣ сношенія, которыя между вами существовали. Я пріѣхалъ сюда для того только, чтобы смыть навесенныя мнѣ обиды... намѣреніе ваше — лишить меня счастья, и неуваженіе къ моему имени, которое могло-бы покрыть ваши визости... Были люди, которые предупреждали меня о вашихъ намѣреніяхъ — письмо Целины подтвердило ихъ опасенія...

ГУСТАВЪ (*прерывая его*). Тихе, сударь, прошу васъ; не встрѣвайте то несчастное существо, которое такъ безстыдно оклеветали. Ожидая васъ тамъ — на берегу рѣки — около замка — въ саду — подъ липами. — Выбирайте и приносите оружіе; я приду съ человекомъ...

АЛЬФРЕДЪ (*уходя*). Надѣюсь, что вы не заставите ждать себя.

ГУСТАВЪ. О! не бойтесь, — не истощу вашего терпѣнія!...

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Густавъ одинъ, въ сильномъ волненіи, идетъ къ дверямъ боковой комнаты, беретъ за руку, но удерживается.

Нэтъ, нельзя; она увидѣла-бы по лицу моему, что у меня на сердцѣ. — Однакожь — не видѣть ее?... не посмотрѣть на нее еще разъ... (Пауза) Нэтъ! она удержала-бы меня, я-бы не могъ оторваться отъ нея. (Мрачно)... опоздалъ-бы, можетъ-быть... (Пауза). А если?... что съ нею будетъ тогда? (Пауза). Но для чего же она призывала его къ себѣ?... для чего хотѣла меня покинуть?... Я долженъ узнать всё! (Идетъ къ дверямъ, которые въ тоже время отворяетъ Матильда; она удерживаетъ его).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Матильда, Густавъ.

МАТИЛЬДА. Пойдите, Густавъ — теперь нельзя; она была такъ встревожена! — насылаю я успокоила ее, уснула немного.

ГУСТАВЪ. Радъ Бога, скажите мнѣ, для чего она призывала Альфреда? (Показывая ей письмо). Для чего писала къ нему это письмо? Или она мнѣ взмѣняетъ — или разлюбила меня!...

МАТИЛЬДА. Она хотѣла пожертвовать собою для того, чтобы охранить васъ отъ презрѣнія свѣта, еслибы вы женились на ней.

ГУСТАВЪ (съ горестью). О, несчастная Целина! Неужели эта тягостная мысль презрѣнія никогда не востребится изъ души твоей? (По минутномъ молчаніи, живо беретъ Матильду за руку). Матильда! теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь нужна мнѣ ваша помощь; — умоляю васъ: берегите Целину, смотрите за ней неусыпно; пусть она не безпокоится обо мнѣ — я черезъ минуту возвращусь.... а если-бы не воротился... будьте ей подругой на всю жизнь! Въ бумагахъ моихъ найдете обезпеченіе судьбы ея. (Хочетъ идти, но удерживается). О Целина! зачѣмъ я не могу прижать тебя къ своему сердцу! (Выбѣгаетъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

Матильда, послѣ Целины.

МАТИЛЬДА. Что это значитъ? Ужъ не вышло-ли чего между ними? (увидя входящую Целину). Ахъ!... она....

целина (*неспокойна, выходитъ поспѣшно изъ своей комнаты*). Овъ тутъ былъ!... я слышала голосъ его — овъ звалъ меня по имени. — Былъ онъ тутъ, Матильда? звалъ онъ меня?

МАТИЛЬДА (*смѣшавшись*). Нѣтъ; здѣсь никого не было, никто не звалъ тебя.

целина (*беретъ ее живо за руку и сердито смотритъ на нее*). Матильда! ты скрываешь отъ меня! Онъ меня кликалъ; я не спала, — я мечтала о немъ, — мечтала о немъ одномъ, какъ вдругъ его голосъ прервалъ мои мечты!

МАТИЛЬДА. Ты о немъ думала, — не мудрено, что тебя послышался его голосъ....

целина. Нѣтъ, нѣтъ! то былъ не обманъ, — я слышала ясно, слышала. Целина! (*Беретъ Матильду за руку, оглядывается кругомъ и прислушивается*)... Всѣ тихо.... Пстой! (*Съ горестью*). Нѣтъ не слышать ничего.... (*По минутомъ молчаніи, бросается въ объятія Матильды*). Матильда! Пожалей меня, скажи мнѣ правду: — былъ онъ здѣсь?

МАТИЛЬДА. Успокойся, Целина. Для чего-бы я стала таять отъ тебя пріѣздъ его?...

целина (*вырывается изъ ея объятій*). Для чего?... Я сейчасъ скажу тебѣ.... догадалась теперь... Онъ пріѣхалъ сюда, засталъ тутъ Альфреда, поговорилъ съ нимъ, разсердился, поссорился.... И, можетъ-быть, пошелъ съ нимъ... (*Хочетъ выбѣжать*).

МАТИЛЬДА (*останавливалъ ее*). Целина! заклинаю тебя любовью Густава — успокойся! Ты такъ встревожена, — могла-бы простудиться на открытомъ воздухѣ.... Огорчила-бы этимъ Густава....

целина (*останавливался*). Огорчила-бы его — говоришь ты! — Но скажи мнѣ: былъ онъ здѣсь? Куда вышелъ отсюда?

МАТИЛЬДА. Повторяю тебѣ, что не былъ, — тебѣ только послышался его голосъ.

целина. Нѣтъ, нѣтъ! — Я не ошиблась; — я не могла ошибиться. (*Бѣжитъ къ столику*).... Однакожь, развѣ нѣтъ людей въ домѣ?... (*Звонитъ и ждетъ*). — Никого!... Куда-жь они всѣ лѣзавься? (*Звонитъ въ другой разъ сильнѣе и потомъ прислушивается*). Чтѣ-жь это значитъ? неужели мы одни въ домѣ? Развѣ нѣтъ никого?... Чтѣ за нерадивые, несосные люди! (*Въ гнѣвъ схватываетъ колокольчикъ, звонитъ еще сильнѣе презлго и прислушивается*). Въ эту минуту раздается выстрѣлъ. Целина испускаетъ пронзительный крикъ и выбѣгаетъ въ боковыя двери, на лѣвую сторону).

МАТИЛЬДА (*бѣжитъ вслѣдъ за нею, стараясь удержатъ ее*). Це-

лива! Куда ты? Целина! (Въ дверяхъ). Не пускайте ее! Держите ее!... (Вбѣгаетъ Валентинъ).

ВАЛЕНТИНЪ. Помогите, сударыня, помогите моему барину!

МАТИЛЬДА. Целина! Целина!... Для чего ты не удержишь ее!

ВАЛЕНТИНЪ (всхлипывая). Мой баринъ... мой дорогой баринъ упалъ послѣ перваго выстрѣла... Ему надобно помочь скорѣе, можетъ-быть, еще онъ живъ... Стрѣлялись за домомъ, въ саду — я видѣлъ ихъ изъ окна моей горенки... Подите, матушка, помогите... Радъ Бога помогите моему доброму барину...

МАТИЛЬДА. Боже! Что будетъ съ Целиной! (Выходитъ съ Валентиномъ).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Целина одна.

Сцена съ минуту пуста; слышны бѣготня и говоръ людей. Целина, въ совершенномъ помрачествѣ, вбѣгаетъ черезъ среднія двери. Въ рукахъ у нее окровавленный платокъ, который она прижимаетъ къ сердцу.

Целина. Не дамъ — не дамъ! Одно только осталось мнѣ по немъ — в это еще хотѣлъ-бы ты отнять у меня! (Бѣжитъ по сценѣ). Бѣжишь, подлый убійца, — боишься моего мщенія!... (останавливается у столика, схватываетъ колокольчикъ и звонитъ). Кто тамъ?... Никого... всё тихо... Еще разъ! (Звонитъ). — Теперь выстрѣлять — (Смѣется безумнымъ смѣхомъ). Чтожъ вы на меня такъ смотрите?... Развѣ меня не знаете? А!... да, да... Я дочь Петровой, Петрова была моя мать — а ея сынъ былъ воръ — а у ней было серебро въ постель... (Сложивъ руки, по минутномъ молчаніи)... О, не берите меня въ тюрьму, — я ни въ чомъ неповината!... ничего не украда, — спросите у Густава! (Садится на полъ, напротивъ отвореннаго окна на балконъ и смотритъ печально на платокъ). Это его кровь... (По минутномъ молчаніи, начинаетъ пѣть похороннымъ голосомъ).

Какъ зарница блещетъ ночью,
Какъ звукъ флейты замираетъ,
Роза вянетъ съ стебелечкомъ, —
Такъ бѣжить меня надежда...

Чтожъ не-идешь ко мнѣ, другъ милый?

Гдѣ увижу я тебя?..

Ахъ! свиданье то въ могилѣ, —

Скоро.... скоро.... жди меня....

(Пауза). Тсъ!... Тише! — Кто-то зоветъ меня. Слышите! «Целинна! Целинна!» (Вскакиваетъ съ мѣста). Это Густавъ зоветъ меня. (Показывая на балконъ). Туда... туда.... ну.... быгу.... (Блжнть на балконъ и бросается внизъ).

МАТИЛЬДА (вбѣгаетъ на сцену). Целинна! Целинна! (Съ крикомъ ужаса подбѣгаетъ къ балкону). Помогите ей! Спасите ее, ради Бога! — Ахъ, какая ужасная смерть! (Падаетъ въ кресла).

(Занавѣсъ опускается).

Съ польскаю СЕРГѢЙ ПОВѢДОНОЩЕВЪ.